
ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР

Коновал Елизавета Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

eli-kat@yandex.ru

Научный руководитель – М. В. Рождественская, д-р филол. наук

«СОРАСПЯТИЕ СО ХРИСТОМ» В «ЖИТИИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА»: СОЕДИНЕНИЕ БЫТОВОГО ПЛАНА И ЕВАНГЕЛЬСКИХ СЮЖЕТОВ

Ключевые слова: Аввакум, житие, бытовые детали, крест, Евангелие.

Статья посвящена анализу эпизодов «Жития» протопопа Аввакума (ред. А, 1673 г.), в которых наблюдается параллель между жизненным путем Аввакума и сюжетами Евангелия. Исходя из мысли А. М. Ранчина о том, что жизнь протопопа представляет собой «сораспятие» с Христом, показывается, как сюжеты евангельской истории актуализируются Аввакумом в бытовом плане текста, полном подробностей реальной жизни.

Konovall Elizaveta

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

«CO-CRUCIFIXION» WITH CHRIST IN «THE AUTOBIOGRAPHY OF THE ARCHPRIEST AVVAKUM»: CONNECTION BETWEEN ROUTINE DETAILS AND THE GOSPEL PLOTS

Keywords: Avvakum, autobiography, details of everyday life, cross, the Gospel.

The article is dedicated to an analysis of some episodes from the «Life of the Archpriest Avvakum» (revision A, 1673), where we examine the parallels between the life of Avvakum and the plots from the Gospel. Following A. M. Ranchin's assertion that the archpriest's life presents itself as a «co-crucifixion» with Christ, we show how the gospel stories permeate real-life details throughout the text.

Долгое время исследователей волновал вопрос о том, на какие источники ориентировался Аввакум при написании своего агиографического текста. В исследованиях перечислялись различные авторы и их произведения. Однако до сих пор неизвестно, сопоставлял ли себя Аввакум непосредственно с Иисусом Христом в боль-

шей степени, нежели это предполагает агиография, тем самым снижая роль устойчивых моделей жанра. Если да, то в какой степени? Мы основываемся на точке зрения А. М. Ранчина [Ранчин, 1999, с. 21–42], по мысли которого Аввакум видит свою жизнь как единый текст, который проецируется не только на истории апостолов и ряд эпизодов жизни святых, но и на крестную смерть Христа. Это дало исследователю возможность называть жизнь Аввакума постоянным «сораспятием» с Христом [Ранчин, 1999, с. 31]. Не ограничиваясь только сюжетом, связанным непосредственно с казнью на кресте, постараемся проиллюстрировать более широкое развёртывание темы «сораспятия», главным образом реализующейся через символ креста, а также постараемся найти параллели с другими эпизодами из жизни Спасителя. Заметим, что такие исследователи, как, например, А. М. Ранчин или Н. М. Герасимова [Герасимова, 2012, с. 172–272], в первую очередь обращали внимание либо на фразеологию и слои цитат в «Житии» Аввакума, либо на общую идеологическую составляющую. Однако нас интересует именно пласт бытовых подробностей.

Бытовой план понимается нами широко — это не только предметы обихода, но и различные фактические подробности событий, реальная зарисовка, которые придают тексту «Жития» натуралистичность, документальность и наглядность изображаемого.

Наша задача состоит в том, чтобы показать, каким образом в конкретных фрагментах «Жития» через бытовой план раскрываются и развиваются евангельские сюжеты и мотивы.

С нашей точки зрения, одним из наиболее интересных способов включения Аввакумом в текст символа креста происходит при помощи приема визуализации, который предполагает создание яркого зрительного образа, служащего толчком к раскрытию сакрального смысла. Проанализируем два эпизода.

В первом эпизоде говорится о том, как Аввакума везли перед ссылкой в Сибирь на расстрижение в московский храм: «Посем паки меня из монастыря водили пешева на патриархов двор, также руки ростяня, и, стязався много со мною, паки также отвели. Таже и в Никитин день ход со кресты, а меня паки на телеге везли против крестов» [Аввакум, 1963, с. 147].

Положение тела Аввакума («водили пешева») с растянутыми руками («руки ростяня») напоминают фигуру Спасителя, распятого на кресте. К тому же этот эпизод вызывает у читателей Жития ассоциацию с Крестным путем Иисуса Христа, несущего крест на Голгофу. Значимой деталью является указание на направление — «против

крестов» (против движения крестного хода), что в контексте восприятия мира средневековым сознанием приобретает отрицательную коннотацию. Религиозный человек средневековья оценивал пространство (и время) как «плохое» или «хорошее», и потому для Аввакума это важно [Гуревич, 1972].

«Патриарший двор» (двор патриарха Никона), выступающий в качестве места судилища и власти, во многом соотносится с евангельской «преторией». Аввакума, осуждённого, как и Христа, ведут «на суд»: Христа к Пилату для вынесения вердикта, а Аввакума — на расстрижение (лишение сана), что для священника является символической смертью. Аввакум нередко обращается к образу Пилата, говоря о своих современниках-антагонистах. Например, его именем был назван полуголова Иван Елагин [Аввакум, 1963, с. 170]. Это может служить дополнительным подтверждением нашего предположения о том, что патриарх Никон в «Житии» соотносится с этим библейским персонажем.

Обратимся к заключительному эпизоду первой длительной ссылки Аввакума с семьёй: «А я, месяц спустя после ево [Пашкова], набрав старых, и болных, и раненых, кои там негодны, человек з десяток, да я з женою и з детми — семнадцать нас человек, в лотку седше, уповая на Христа и крест поставя на носу, поехали, амо же Бог наставит, ничево не бояся» [Аввакум, 1963, с. 158].

Окружение Аввакума представляется неслучайным: с точки зрения христианина, эти люди — «сырые и убогие» — особенно угодны Господу, как и дети (Ср.: «Будьте как дети». Мф. 18:3). Укрепленный Аввакумом крест на носу лодки является не только символом мира, но и знаком прошлых и будущих страданий главного героя. Таким образом, вновь возникает отсылка к «крестному пути», и одновременно подчеркивается важная для мученика идея смирения. Более того, рассказ о сибирской «волоките» в «Житии» имеет кольцевое обрамление: начало и конец описания ссылки «осенены» крестом (образ креста вводится разными способами, но всегда через описание жизненных реалий).

Продолжая рассматривать текст в евангельском ключе, обратим внимание на эпизод, в котором рассказывается о том, как Аввакум спасает двух человек: «Да друга моего выкупил, Василия, которой там при Пашкове на людей ябедничал и крови проливал и моя головы искал <...> А после Пашкова хотели ево казаки до смерти убить. И я, выпрося у них Христа ради, а прикащику выкуп дав, на Русь ево вывез, от смерти к животу, — пускай ево беднова! — либо покаяся о гресех своих. Да и другова такова же увез замотая. Сего не

хотели мне выдать; и он ушел в лес от смерти и, дождавсь меня на пути, плачючи, кинулься мне в карбас. Ано за ним погоня!» [Аввакум, 1963, с. 158].

Жестокий Василий раскаивается и получает благодаря Аввакуму не только спасение от физической смерти, но и спасение души. Во фразе «от смерти к животу» проявляется благодаря контексту смысл перехода от смерти к «животу вечному», то есть к вечной жизни. Это соотносится с евангельским эпизодом, в котором говорится о «благоразумном разбойнике», распятом одновременно с Христом (Лк. 23:43), которому Христос обещает, что тот войдет в Рай (Лк. 23:43). В результате, Аввакум, сам претерпевший множество страданий, прощает своего учителя и спасает его.

Второй спасенный Аввакумом человек «плачючи» тоже молит о прощении и спасении и избегает смерти (слезы — важный топос в древнерусской житийной литературе). (Ср.: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» Мф. 5:4). В итоге, оба «разбойника» раскаиваются и оказываются спасенными. Аввакум, таким образом, вновь видит параллель между своей жизнью и жизнью Христа. Она проводится за счет того, что в текст особенным образом включаются автобиографические бытовые моменты из жизни протопопа.

Рассмотрим еще один эпизод, который, с нашей точки зрения, содержит в себе параллель с самым началом жизни младенца Иисуса: «Аз же, взяв клюшку, а мати — некрещёнова младенца, побрели, амо же бог наставит, и на пути крестили, яко же Филипп каженика древле» [Аввакум, 1963, с. 144].

Этот эпизод всегда рассматривался в рамках прямого сравнения Аввакумом реального автобиографического события (крещения младенца) с эпизодом из Деяний апостолов (как, например, это делает Н. С. Демкова [Демкова, 1974, с. 94] и др.). Однако нам представляется, что здесь содержится отсылка к сюжету о бегстве Святого Семейства в Египет. Обратимся к евангелию: «Отшедшымъ же имъ, се, Ангель Господень во сне явися Иосифу, глаголя: воставъ поими Отроча и Матерь его, и бежи во Египеть, и буди тамо, дондеже рекути: хоцеть бо Иродь искати Отрочате, да погубить его. Он же во восставъ, поять Отроча и матеръ Его нощию, и отиде во Египеть» (Мф. 23:13–14).

Посмотрим на состав действующих лиц: Аввакум, Настасья Марковна (его жена) и младенец. В Евангелии фигурируют также муж (Иосиф), жена (Богородица) и ребенок (младенец Иисус). Помимо сходства семьи Аввакума со Святым Семейством, некую па-

раллель можно усмотреть при обращении к контексту и композиции.

И в Житии, и в евангельском рассказе побегу предшествует чудо. В евангелии описано чудесное явление Иосифу «Ангела Господня» с предупреждением об опасности. В «Житии» совершается чудесное спасение Аввакума от смерти иным способом: его хотел застрелить «из пищалей» «началник» Иван Родионович, но ни один пистолет не выстрелил [Аввакум, 1963, С. 144]. Таким образом, в судьбы героев обоих текстов вмешивается Божия воля, спасая их от гибели («И божия воля учинила так же» [Аввакум, 1963, С. 144]).

Чудо, описанное в Житии, снова выходит за границы жанрового канона. Аввакум насыщает эпизод реалистическими подробностями: столкновение происходит по дороге Аввакума на службу в храм, подробно описано оружие, зажигание пороха и т. д.

Поведение протопопа соответствует поведению мученика, который готов принять любые страдания во имя Христа: перед лицом смерти он молится, а врага благословляет («Аз же прилежно, идучи, молюсь Богу, единою рукою осенил ево и поклонился ему. Он же меня лает, а я ему рекл: “Благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!”» [Аввакум, 1963, с. 144]), тем самым прощая его. Протопоп ведет себя в соответствии со словами Христа из нагорной проповеди: «Азь же глаголю вамъ: любите враги ваша, благословите кленущыя вы, добро творите ненавидящымъ васъ и молитесь за творящих вамъ напасть и изгонящыя вы» (Мф. 5:44).

В результате анализа нескольких эпизодов «Жития» протопопа Аввакума мы видим, что он, ориентируясь на жизнь и страдания Иисуса Христа, сближает их с собственной биографией, но парадоксально не снижает их сакрального смысла. В рассмотренных отрывках, как и в остальном тексте «Жития», роль подробно описанных реалий жизни Аввакума, которые не только создают яркую визуальную картину, во многом состоит в раскрытии плана уже не бытового, но высшего смысла, отсылающего читателя к Священному Писанию. Часто Аввакум отсылает к евангельским текстам подспудно, однако описанные им события своей собственной жизни выстраиваются в определенную последовательность и создают почву для разворачивания и «обытовления» целых сюжетов из Священного Писания. Таким образом, вновь возникает «двуплановость», характерная для творчества Аввакума. Автор создает отсылки к жизни Иисуса Христа за счет детального описания собственной жизни, полной страданий, сохраняя при этом высокий авторитет священного текста, который служит ему образцом.

ЛИТЕРАТУРА

- Аввакум, 1963 — Жизнеописание Аввакума (текст) // Робинсон А. Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. М., 1963. С. 139–178.
- Демкова, 1974 — Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума (Творческая история произведения). Л., 1974.
- Герасимова, 2012 — Герасимова Н. М. Поэтика «Жития» Аввакума // Прагматика текста: фольклор, литература, культура. СПб, 2012. С. 177–272.
- Гуревич, 1972 — Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Ранчин, 1999 — Ранчин А. М. Автобиографические повествования в русской литературе второй половины XVI–XVII вв. (Повесть Мартирия Зеленецкого, «Записка» Елеазара Анзерского, жития Аввакума и Епифания) // Автопортрет славянина. М., 1999. С. 21–42.